

УДК 340.13, 340.14

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-1-23-28

М. Ю. Спирин*

СООТНОШЕНИЕ ИСТОКА ПРАВА, ИСТОЧНИКА ПРАВА И ФОРМЫ ПРАВА С ПОЗИЦИИ ВОЛЕВОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ

В статье анализируются недостатки монистического и плюралистического подходов к проблеме соотношения источника права и формы права. Предлагается логическая конструкция взаимодействия истока права, источника права и формы права как взаимосвязанных и взаимообусловленных самостоятельных категорий на основании волевой концепции правообразования.

Истоками права определяются объективно существующие и воздействующие на субъектов правотворчества правообразующие факторы. Источником права является внешнее выражение (проявление вовне) воли субъекта правотворческой деятельности в момент принятия решения по созданию норм права и закреплению их в рамках определенной формы. Под формой права понимается формальная (формализованная) оболочка сгруппированных правовых норм, необходимая для последующей реализации права и его толкования.

Линейная логическая конструкция не совпадающих по своему значению и содержанию категорий «исток права» – «источник права» – «форма права» может быть использована для потенциальной унификации теоретических и практических позиций по соответствующей проблематике.

Ключевые слова: исток права, источник права, форма права, формальный источник права, монистический подход, плюралистический подход, воля субъекта правотворчества, волевая концепция правообразования.

В течение достаточно длительного времени отечественная теория права исследует многогранную проблему соотношения категорий «источник права» и «форма права». При этом периодически встречаются парадоксальные утверждения некоторых авторов об отсутствии принципиальной научной проблематики в самом соотношении этих категорий, что обычно связано с двумя обстоятельствами:

1) авторы полагают, что источники права являются синонимами элементов (видов, разновидностей) позитивного права и поэтому не должны рассматриваться как самостоятельная категория юриспруденции, являясь по существу нормативными фактами существования самого права (позиция Л. И. Петражицкого) [1, с. 191];

2) авторы считают, что форма права настолько повторяет характер и внешние очертания источника права и настолько близко отстоит от него по времени своего проявления (выражения), что различиями между этими категориями можно пренебречь (позиция С. Л. Зивса, М. И. Байтина и других сторонников монистического подхода) [2, с. 10; 3, с. 66–67]. Категории «форма права» и «источник права» воспринимаются в этом случае как, по сути, единое обозначение «способа выражения правовой нормы» [4, с. 41].

В то же время, как показывает анализ новейшей литературы по данному вопросу, основная масса современных теоретиков права данную научную проблематику соотношения признает, но в то же время производит известные дипломатические «реверан-

сы», определяя, что указанные категории в строго логическом смысле необходимо рассматривать отдельно, однако в силу невысокой практической значимости разработки самостоятельной проблемы источников права необходимо большее внимание уделять именно формальным его источникам [5; 6].

Подобная позиция отражает т. н. «плюралистический подход» к источнику права, когда эта категория может пониматься и в историческом смысле (памятник права), и в идеалистическом значении (нематериальные факторы правотворчества), и в значении материального источника права, когда речь идет о специфике социально-экономических отношений в обществе, на базе которых появляются правовые предписания. Наконец, основное внимание в рамках такого подхода уделяется категории «формальный источник права», которая воспринимается как наиболее удачная и вполне сложившаяся в современной отечественной юридической науке [7, с. 32; 8, с. 32–43].

Плюралистический подход имеет свои положительные черты, главным образом связанные с возможностью полисемантического восприятия тех сил, обстоятельств и факторов, под влиянием либо непосредственным воздействием которых право образуется и начинает проявлять свои общеобязательные нормативные свойства. В то же время, по меткому замечанию В. А. Рудковского, такой подход показывает, что источники права «проблематично не только подвести под некое общее определение, но

* © Спирин М. Ю., 2018

Спирин Михаил Юрьевич (smy@samaradom.ru), кафедра теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34.

даже представить в виде какого-то единого класса феноменов» [9, с. 25; 10, с. 73]. В определенной степени это свидетельствует о недостаточной разработанности научной проблематики в данном вопросе (именно этим во многом объясняется известная «дипломатия» авторов), а также — о чрезмерной многозначности соответствующей категории («источник права»), которая тем не менее устоялась в рамках отечественной юридической терминологии. Именно поэтому данную категорию можно встретить в различных (плюралистических) трактовках: как первичный и вторичный источник права, как идеальный и материальный источник права, как типичный и нетипичный источник права, как текстуальный и нетекстуальный источник права, как различные виды формальных (формально-юридических) источников права. Довольно часто можно обнаружить и «дипломатическую» конструкцию «источник (форма) права», которая отражает желание авторов представить желаемое состояние внешних форм выражения права как действительное и, наоборот, существующее положение вещей в сфере нормативного правового регулирования как должное состояние.

С целью избежать повторения некоторых логических ошибок, как представляется, от монистической и плюралистической моделей восприятия категории «источник права» необходимо перейти к линейной структуре логически взаимосвязанных категорий, в которой:

а) источник права будет четко отделен от его последующей формы;

б) самому источнику будет предшествовать еще одна категория: «исток права».

Логическая цепочка «исток права» — «источник права» — «форма права» позволяет отказаться от многих неточностей при анализе самой природы возникновения и реализации правового регулирования, а также обращает внимание исследователей на истинную причину возникающих разногласий по соответствующей проблематике: различие типов правопонимания как методологических основ для восприятия как источника права, так и его многообразных форм [11, с. 29; 12, с. 75; 13, с. 68; 8, с. 8–21; 14, с. 143–144, 150; 15; 16, с. 35].

При этом принципиальную роль для существования такой логической цепочки играет категория воли, которая, по сути, является связующим звеном между объективным по своему характеру процессом правообразования, протекающим в недрах общественных отношений, и субъективными процедурами правотворческой деятельности парламента, суда etc. по созданию соответствующих форм права. Такая воля может пониматься в двух смыслах, во множественном (как коллективная воля нации, народа, общества, государства) и в единичном (как индивидуальная воля субъекта правотворческой деятельности в качестве органа государственной власти или местного самоуправления либо должностного лица такого органа).

Тем самым исток права представляет собой не что иное, как фактор объективного правообразования («фактор, участвующий в образовании права») [17, с. 345], понимание которого (и отношение к которому) полностью зависит от типа восприятия права исследователем. С точки зрения Т. В. Кашаниной, истоки права — это «обстоятельства, обусловившие появление права и его действие; ... в качестве истока права мы можем рассматривать объективную реальность» [18, с. 125]. Система таких истоков (факторов правотворчества) оказывает известное влияние на субъектов воли, уполномоченных выразить ее в юридических нормах и закрепить эти нормы в соответствующих нормативных документах. При этом сама по себе воля (в качестве *Ding an sich*) не является источником правового регулирования, но выступает необходимым фундаментом для своего же развития (движения от субъекта правотворчества к обществу) и представления вовне (для понимания ее характера). Лишь наличие уполномоченного субъекта, наделенного такой правотворческой волей, дает основание предполагать ее собственно юридическое значение.

Как писал в свое время Н. М. Коркунов, «общий источник права есть субъективный разум, или... субъективное сознание. Все другие факторы влияют на правообразование только через посредство нашего сознания. <...> Общее сознание есть лишь суммирование субъективного сознания отдельных личностей. Поэтому субъективное сознание действительно является как бы фокусом, в котором сосредотачивается действие всех факторов правообразования» [17, с. 345].

Таким образом, сам процесс проявления вовне такой воли (процесс волевыражения) выступает в качестве источника права. Например, при объявлении голосования в парламенте по проекту закона в окончательной редакции сам смысл последующей процедуры выражен в «открытии» соответствующей воли каждого отдельного депутата и всего законодательного органа в целом. При этом воля выражается вовне («открывается») достаточно быстро, *ipso facto* в течение нескольких минут существует источник права в чистом виде как процесс выражения вовне правотворческой воли уполномоченного субъекта. После того как воля выражена, подводятся итоги голосования, которые утверждаются и тем самым облекают **уже выраженную волю** в определенную форму, а именно в форму принятого закона, который далее в установленном порядке вступает в силу.

В аспекте различения источника права и формы права и особенно придания источнику права соответствующего волевого характера отчетливо проявляются гегелевские мотивы определения воли как природы права и природы всего правового регулирования как субъективной и системной человеческой деятельности.

Рассмотрим элементы обозначенной логической цепочки по отдельности.

Исток права (*origo iuris*) представляет собой саму природу правового регулирования, которую составляет устойчиво существующая и всякий раз субъективно определяемая совокупность разнообразных правообразующих факторов. Данные факторы по отношению к природе самого человека и общества могут иметь либо внешний характер (климат, географическое положение, язык общения), либо внутреннюю природу (сознание людей, психика человека, устойчивые типы и модели поведения).

Исток права оказывает объективное воздействие на формирование и видоизменение воли субъекта правотворческой деятельности. Например, социально-экономические правообразующие факторы и их элементы во многом определяют политические позиции парламента (бытие определяет сознание).

Данная категория указывает как на конкретный путь происхождения национального права, так и подчеркивает целостное значение генезиса правового регулирования, оказывает влияние на восприятие и последующее решение проблемы партикулярного и сословного права. Исток права объективно образуется в русле устойчивых закономерностей в реализации и развитии регулируемых отношений в значении: 1) их появления; 2) разумного объяснения их существования; 3) выяснения смысла (смыслов) их социального выражения.

Истоки права как факторы правообразования также могут обладать как объективным, так и субъективным характером. При этом важно отметить их: 1) глобальное, подспудное воздействие на социальные связи и 2) точечное, сюжетное влияние на качество последующего правового регулирования конкретного социального взаимодействия.

При этом степень субъективной познаваемости истока права (как правило, не обладающая высоким значением) отражает известную спорность вопроса об истоке права как правовой, а не социологической категории.

Источник права (*fons iuris*) является субъективно осознаваемой и объективно выражаемой волею конкретного субъекта правотворчества. На этом уровне правообразование как объективная категория преобразуется в правотворчество, в содержании которого отчетливо выражена воля данного субъекта. Важно понимать, что последующее документальное (формальное) закрепление этой воли определяется не типом должностного положения такого субъекта, а именно **типом характера выраженной та-ким субъектом правотворческой воли.**

Именно в таком смысле мы можем трактовать волю законодателя и ее выражение в законе, волю судьи и ее выражение в судебном прецеденте и правовой позиции, волю контрагента договора и ее выражение в содержании договора. Несколько особняком стоят долговременно выражаемая воля общества и ее закрепление в правовых обычаях и консенсуальная воля субъектов международных

отношений и ее отражение в обычаях и договорах международного права.

Принципиально важным в этом смысле является следующее замечание В. А. Рудковского: «...источником права является воля субъекта, правомочного устанавливать общеобязательные правовые предписания. Однако для того, чтобы воля могла стать правом, она должна быть выражена в надлежащей юридической форме... Воля должна быть признана источником права *еще до того* (курсив мой. — М. С.), как она воплотится в конкретный закон или другую форму права» [9, с. 26, 27; 10, с. 74].

Воля правотворящего субъекта является своеобразной медианой и нервом последующего правового регулирования, поскольку развитие правотворческой деятельности в значении видоизменения воли (и волевых свойств субъектов, ее проявляющих) определяет качество и само количество форм права в конкретной устойчивой правовой традиции и в отдельно взятой национальной правовой системе. Следовательно, развитие воли субъектов правотворчества устанавливает качество определенной правовой традиции (например, традиции законодательного кодифицированного права или традиции судебного прецедентного права).

Т. В. Кашанина под источником права понимает «волю правотворческих субъектов (через которую объективная реальность преломляется в нормах права); ...результат осознания объективных общественных потребностей посредством ряда правотворческих процедур» [18, с. 127; 19]. Тем самым категория «источник права» включает в себя созидательный аспект, а также аспект ценностный (оценочный), который определяется во многом конъюнктурными предпочтениями субъекта правотворческой деятельности и особенностями общественной оценки той социальной ситуации, в которой данный субъект находится.

Таким образом, выражение воли вовне как источник права зависит от характера и качества правообразующих факторов как истоков правового регулирования, воздействующих на субъектов, выражающих эту волю.

Форма права (*forma iuris*) может выступать в трех аспектах, а именно в качестве:

1) средства документального выражения норм старого (недействующего в данный момент времени) права (*ius vetus*);

2) средства познания, восприятия и запоминания норм современного (действующего) права (*ius novus*);

3) формального (формализованного) средства объективного отражения действующего позитивного права, нормы которого подлежат применению для регулирования социальных отношений (ключевым моментом здесь является возможность единой ссылок всех правоприменителей на установленную норму права).

Нетрудно заметить, что первые два смысла формы права носят познавательный характер (*fontes*

cognoscendi) и по этой причине часто отрицается их юридическое (нормативное) значение [14, с. 147]. Третий же смысл указывает на регулятивное (действующее, активное) содержание формы (*fontes agendi*), т. е., собственно, на то, ради чего такая форма создается и действует (именно в этом смысле в свое время М. Н. Капустин писал о законе как о «законченной норме права») [20, с. 139].

Т. В. Кашаниной формы права определяются как «формы закрепления норм права» [18, с. 124]. Таким образом, форма права является средством закрепления и документального выражения юридических норм, содержащих в себе уже выраженную (отраженную) волю субъекта правотворческой деятельности как источник права. Также, с точки зрения Кашаниной, форма права – это «резервуар, где находятся юридические нормы; то, из чего мы черпаем знания о праве» [18, с. 127].

По мнению Н. М. Коркунова и В. М. Хвостова, формы права технически выражают собой общеобязательный характер тех норм, которые в них закреплены [17, с. 343–344; 21, с. 83]. Следовательно, действующим правом можно назвать только те устойчиво существующие формы, нормы права внутри которых государством и обществом признаются обязательными к исполнению. Таким образом, обязательность является свойством именно норм права, содержащихся внутри форм права, но не наоборот. И значит, более правильным будет выражение «нормы права, выраженные в законе, имеют юридическую силу» (а не «закон имеет юридическую силу»).

Именно в таком смысле Н. М. Коркунов определяет форму права («форму объективирования юридических норм») как «признак общеобязательности нормы... в данном обществе и в данное время» [17, с. 343, 344]. При этом, с точки зрения В. М. Хвостова, «возникают и получают обязательную силу юридические нормы» именно в рамках форм права, основными среди которых автор называет закон и обычай, а также договор между государствами в международном праве [21, с. 83].

Исходя из этого, линейная конструкция «истоки права» – «источники права» – «формы права» дает возможность формирования более четкого представления о самой природе обязательности юридических норм и общеобязательности нормативных предписаний как признака объективного права в целом. Ведь в таком случае, имея в виду именно источники права (как способы выражения воле правотворческой воли соответствующих субъектов) в качестве носителей общеобязательной природы юридических норм, системы которых формируются под воздействием такой воли, мы можем исходить из их принципиального воздействия на образование именно групп норм права, которые (в силу объективной необходимости) сразу же облакаются в определенную оболочку формы права. Соответствующие формы права (закон, судебный прецедент *et al.*) имеют в этом случае лишь опосредованный характер, и их формальная обяза-

тельность есть всего лишь отражение обязательности тех норм права, которые уже входят в их состав (поскольку «пустых» формальных оболочек права также не может быть по определению).

В то же время, если придерживаться традиционного монистического подхода, сами источники (формы) права будут носить первичный (в сравнении с нормами права), обязательный к реализации полномоченными субъектами характер, а содержащиеся в них нормы права, очевидно, будут нуждаться в придании им общеобязательности со стороны таких источников как форм внешнего объективирования права. Именно в таком смысле, например, рассуждает об источниках международного права известный специалист в области теории международного права Л. П. Ануфриева [22, с. 42–44].

Последовательное рассмотрение (в порядке перечисления) форм действующего национального позитивного права, а также – права международного, как правило, создает упрощенную картину как самих этих форм, тройственное значение которых было определено *ut supra*, так и рассматриваемой проблематики соотношения форм и источников права. При этом очевидно, что каждая созданная и действующая форма права в значительной степени отражает характер соответствующего источника права и глобально определяется множеством факторов правообразования как истоков правового регулирования. Подобная ситуация может быть проиллюстрирована существованием в соответствующих широтах Мирового океана айсбергов, надводная часть которых составляет в среднем 1/8 от их массивной подводной части. Изучая состояние и развитие структуры айсберга, мы всегда должны принимать во внимание устойчивые подводные течения, которые увлекают айсберг за собой, в силу чего он может преодолевать многие сотни километров. Если соотнести надводную часть такой ледяной горы с формами права, а ее подводное окончание – с источниками (при этом течения, очевидно, окажутся подобны истокам права), то это являет собой занимательную, но тем не менее достаточно достоверную картину соотношения данных категорий в общей теории права, а также на уровне отраслей национального права.

Необходимое линейно-логическое различие истока права, источника права и формы права базируется на волевой концепции правообразования и правотворческой деятельности, аргументы которой выразительно представлены в соответствующих трудах Т. В. Кашаниной [18; 19], Н. Н. Вопленко [23] и В. А. Рудковского [9; 10].

Важно также отметить, что принципиальное различие источника права и формы права следует проводить и с учетом субъективно-темпорального критерия: наше представление об источнике права должно всегда проявляться в настоящем времени и оценивать выражающуюся волю субъекта правотворчества здесь и сейчас, а представление о форме права (в смысле

ее уже свершившегося создания) всегда определяется нами в прошедшем, перфектном времени.

Таким образом, постепенный отказ как от монистического, так и от плюралистического подходов к соотношению категорий «источник права» и «форма права» и движение в сторону признания источникового значения волевой составляющей всякой правотворческой деятельности, как представляется, будет способствовать потенциальной унификации научных взглядов и оценок соответствующих категорий, введению этих категорий в терминологический корпус действующего законодательства и в конечном итоге послужит необходимому сближению теоретических и практических позиций в сфере оценки процесса формирования нормативных средств регулирования социальных отношений и их документального (формального) закрепления.

Библиографический список

1. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Ч. 2. М.: Юрайт, 2016. 421 с.
2. Зивс С. Л. Источники права. М.: Наука, 1981. 240 с.
3. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М.: Изд. дом «Право и государство», 2005. 544 с.
4. Васильева Т. А. Понятие и значение источника права // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2010. № 73. С. 37–44.
5. Болгова О. С. Основные источники права // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 48–50.
6. Изаксон Р. А. Актуальные проблемы источников права // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 3 (70). С. 12–20.
7. Гаджинова Ф. М. Источники права и их система в современном российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 171 с.
8. Дробышевский С. А., Данцева Т. Н. Формальные источники права. М.: Норма, 2011. 160 с.
9. Рудковский В. А. Теория источников права: дискуссионные моменты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107). С. 23–28.
10. Рудковский В. А. Источники права: проблемы теории // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 4 (27). С. 73–75.
11. Марченко М. Н. Источники права. М.: Проспект, 2005. 760 с.
12. Петров К. В. Об источниках и формах права в постсоветском правоведении // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 1. С. 61–75.
13. Реутов В. П. Типы правопонимания и проблема источников и форм права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 2 (8). С. 4–70.
14. Иванюк О. А. Источники права: проблема определения // Журнал российского права. 2007. № 9 (129). С. 142–150.

15. Лапаева В. В. Различные типы правопонимания: анализ научно-практического потенциала // Законодательство и экономика. 2006. № 4. С. 5–15.

16. Мирошник С. В. Источник права и форма права: соотношение понятий // Пробелы в российском законодательстве: юридический журнал. 2013. № 5. С. 35–37.

17. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 430 с.

18. Кашанина Т. В. Структура права. М.: Проспект, 2013. 584 с.

19. Кашанина Т. В. Эволюция форм права // Lex Russica. 2011. № 1. С. 34–53.

20. Капустин М. Н. Теория права (юридическая догматика). Т. 1. Общая догматика. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1868. 392 с.

21. Хвостов В. М. Общая теория права: элементарный очерк. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 152 с.

22. Ануфриева Л. П. Понятие «источник права» в международно-правовой науке: догма «классики» и современная доктрина // Современное международное право: теория и практика. М.: Оригинал-макет, 2015. 432 с.

23. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2009. 898 с.

References

1. Petrazhitskiy L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. Ch. 2 [Theory of law and state in connection with the theory of morality. Part 2]. M.: Yurajt, 2016, 421 p. [in Russian].
2. Zivs S. L. Istochniki prava [Sources of law]. M.: Nauka, 1981, 240 p. [in Russian].
3. Baitin M. I. Sushhnost' prava (sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvux vekov). Izd. 2-e, dop. [Essence of law (contemporary normative understanding of law on the verge of two centuries). 2nd ed., enlarged]. M.: Izd. dom «Pravo i gosudarstvo», 2005, 544 p. [in Russian].
4. Vasilieva T. A. Ponyatie i znachenie istochnika prava [Concept and meaning of source of law]. Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatischeva [Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev], 2010, no. 73, pp. 37–44 [in Russian].
5. Bolgova O. S. Osnovny'e istochniki prava [Main sources of law]. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2009, no. 92, pp. 48–50 [in Russian].
6. Izakson R. A. Aktual'ny'e problemy' istochnikov prava [Actual problems of the sources of law]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii [«Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»], 2014, no. 3(70), pp. 12–20 [in Russian].
7. Gadzhinova F. M. Istochniki prava i ix sistema v sovremennom rossijskom prave: dis. ... kand. jurid. nauk

[Sources of law and their system in the modern Russian law: Candidate's of Law's thesis]. M., 2004, 171 p. [in Russian].

8. Drobyshevsky S. A., Dantseva T. N. Formal'ny'e istochniki prava [Formal sources of law]. M.: Norma, 2011, 160 p. [in Russian].

9. Rudkovskiy V. A. Teoriya istochnikov prava: diskussionny'e momenty' [Theory of the sources of law: discussion points]. Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Saratov State Law Academy Bulletin], 2015, no. 6 (107), pp. 23–28 [in Russian].

10. Rudkovskiy V. A. Istochniki prava: problemy' teorii [Sources of law: problems of theory]. Vektor nauki TGU. Seriya: Yuridicheskie nauki [Vector of sciences. Togliatti State University. Series: Juridical Sciences], 2016, no. 4 (27), pp. 73–75 [in Russian].

11. Marchenko M. N. Istochniki prava [Sources of law]. M.: Prospekt, 2005, 760 p. [in Russian].

12. Petrov K. V. Ob istochnikax i formax prava v postsovetskom pravovedenii [About the sources and forms of law in the post-Soviet jurisprudence]. Leningradskij yuridicheskij zhurnal [Leningrad Law Journal], 2009, no. 1, pp. 61–75 [in Russian].

13. Reutov V. P. Tipy' pravoponimaniya i problema istochnikov i form prava [Types of legal understanding and the problem of sources and forms of law]. Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2010, no. 2 (8), pp. 54–70 [in Russian].

14. Ivanyuk O. A. Istochniki prava: problema opredeleniya [Sources of law: problem of definition]. Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law], 2007, no. 9 (129), pp. 142–150 [in Russian].

15. Lapaeva V. V. Razlichny'e tipy' pravoponimaniya: analiz nauchno-prakticheskogo potentsiala [Various types of legal understanding: analysis of scientific and practical potential].

Zakonodatel'stvo i e'konomika [Law and economics], 2006, no. 4, pp. 5–15 [in Russian].

16. Miroshnik S. V. Istochnik prava i forma prava: sootnoshenie ponyatij [Source of law and form of law: correlation of concepts]. Probely' v rossijskom zakonodatel'stve: yuridicheskij zhurnal [Gaps in Russian legislation: legal journal], 2013, no. 5, pp. 35–37 [in Russian].

17. Korkunov N. M. Lekcii po obshhej teorii prava [Lectures on general theory of law]. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2003, 430 p. [in Russian].

18. Kashanina T. V. Struktura prava [Structure of law]. M.: Prospekt, 2013, 584 p. [in Russian].

19. Kashanina T. V. E'volyuciya form prava [Evolution of the forms of law]. Lex Russica, 2011, no. 1, pp. 34–53 [in Russian].

20. Kapustin M. N. Teoriya prava (yuridicheskaya dogmatika). T. 1. Obshhaya dogmatika [Legal theory (legal dogmatics). Vol. 1. General dogmatics]. M.: Universitetskaya tipografiya na Strastnom bul'vare, 1868, 392 p. [in Russian].

21. Khvostov V. M. Obshhaya teoriya prava: e'lementarnyj ocherk. Izd. 5-e [General theory of law: elementary sketch. 5th ed.]. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011, 152 p. [in Russian].

22. Anufrieva L. P. Ponyatie «istochnik prava» v mezhdunarodno-pravovoj nauke: dogma «klassiki» i sovremennaya doktrina [The concept «source of law» in international legal science: dogma of «classic» approach and modern doctrine]. In: Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo: teoriya i praktika [Contemporary international law: theory and practice]. M.: Original-maket, 2015, 432 p. [in Russian].

23. Vopenko N. N. Ocherki obshhej teorii prava [Sketches of the general theory of law]. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, 898 p. [in Russian].

*M. Yu. Spirin**

RELATION BETWEEN INITIAL SOURCE OF LAW, SOURCE OF LAW AND FORM OF LAW ACCORDING TO WILLED LAW-MAKING CONCEPT

The author analyzes some limitations of the monistic and pluralistic approaches to the problem of correlation between the source of law and the form of law. The logical construction of interaction between the initial source of law, the source of law and the form of law as interrelated and independent categories according to willed law-making concept is proposed.

The initial sources of law are determined as the objectively existing and affecting subjects of law-making factors. The source of law is an external expression (outside action) of the will of law-making activity's subject at the moment of making a decision to create norms of law and fixing them within a certain form. As a form of law is understood the formal (formalized) shell of grouped norms of law; this shell is necessary for the subsequent realization of law and its interpretation.

This linear logical construction of the categories «initial source of law» – «source of law» – «form of law» can be used to create potential unification of some theoretical and practical positions on the appropriate issues.

Key words: initial source of law, source of law, form of law, formal source of law, monistic approach, pluralistic approach, will of the subject of law-making, willed law-making concept.

* *Spirin Mikhail Yurievich* (smy@samaradom.ru), Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.